
О Т РЫВ ОКЪ ИЗЪ РУКОПИСИ ПУШКИНА.

(Полтава.)

Habent sua fata libelli. Полтава не имѣла успѣха. Вѣроятно она и не споила его; но я былъ избалованъ пріемомъ оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ; къ тому-жъ это сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи — и вошь какимъ образомъ.

Они впервыхъ объявили мнѣ, что отроду никто не видывалъ, чтобъ жен-

щина влюбилась въ спарика, и что слѣдствено любовь Маріи къ спарому Гешману (NB исторически доказанная) не могла существовать.

»Ну чшожъ что ты Честонъ? Хочъ знаю да не вѣрю.» Я не могъ довольствоваться эпимъ объясненіемъ: любовь есть самая своенравная спрасить. Не говорю уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодоспи, уму и красошъ. Вспомниште преданія миѳологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Филиру, Пазифаю, Пигмаліона — и признайшесь, что всѣ сіи вымыслы не чужды Поэзіи. А Отелло, спарый Негръ, плѣнившій Дездемону рассказами о своихъ спранспвіяхъ и бишвахъ?... А Мирра, внушившая Италіянскому Поэту одну изъ лучшихъ его прагедій?...

Марія (или Машрена) увлечена была, говорили мнѣ, шїеславіемъ, а не любовію: — велика честь для дочери Генерального Судіи быть наложницею Гешмана!—Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа *злой и глупой старигишка*. Что изобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ я каюсь: добрымъ я его не нахожу, особливо въ ту минуту когда онъ хлопочешь о казни отца девушки имъ обольщенной. Глупость же человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ:—Мазепа дѣйствуешь въ моей поэмѣ точъ въ точъ какъ и въ Исторіи, а рѣчи его объясняють его исторический характеръ. — Замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злонамяшенъ, что Малороссійскій Гешманъ не спущенъ и за пощечину или

за дерганье усовъ мстить не захочеть. Опять Испорія опроверженная лишне-
рапурной критикой,—опять *хоть знаю
да не сброю!* Мазепа, воспитанный въ
Европѣ въ то время какъ понятія о
дворянской чести были на высшей сте-
пени силы, Мазепа могъ помнить долго
обиду Московскаго Царя и отомстить
ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь
его характеръ скрытый, жестокій,
поспояинный. Дернуть Ляха или Козака
за усы все равно было, что схватить
Россіянина за бороду. Хмельницкій за
всѣ обиды, прешерпѣнныя имъ, помнивш-
ся, опѣ Чаплицкаго, получилъ въ воз-
мездіе, по приговору Рѣчи послани-
цкой, остроженный усъ своего непрія-
теля (См. Лѣтоп. Конискаго.).

Старый Гешманъ предвидя неудачу,

наединѣ съ наперсникомъ бранишъ въ моей поэмѣ молодаго Карла, и называвшъ его, помнишся, мальчишкой и сумазбродомъ: кришки важно укоряли меня въ неосновашельномъ мнѣніи о Шведскомъ Королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ: кришки ссылались на *собственныя слова* Гепмана, увѣряющаго Марію, что онъ любилъ ее *больше славы, больше власти*. Какъ опровергать на шаковыя кришки?

Слова усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора — показались кришкамъ *низкими, бурлацкими выражениями*. Какъ бытъ!

Въ Вѣстникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что вѣроятно не назвалъ я ея *Мазепой*, чтобъ

не напомнишь о Байронѣ. Справедливо, — но была шутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій Фонпанъ въ рукописи названъ былъ *Харемомъ*, но меланхолическій эпиграфъ (который конечно лучше всей поэмы) соблазнилъ меня.

Кстапти о Полтавѣ кришки упомянули однажды о Байроновомъ Мазепѣ; но какъ они понимали его! Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой Исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только каршиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Каршина конечно поэтическая, и за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ. Но не ищите шутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучишельнаго лица, кошо-

рое проявляется во всѣхъ почти произвѣденіяхъ Байрона , но кошораго (на бѣду одному изъ моихъ кришиковъ) какъ нарочно въ Мазепѣ имено и нѣшь. Байронъ и не думалъ о немъ : онъ выставилъ рядъ картииъ одна другой разитательнѣе — вонъ и все : но какое пламенное созданіе ! какая широкая , быстрая кисть ! Если бы ему подъ перо попалась Исторія обольщенной дочери и казненного отца , то вѣроѧтно никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Примѣткіе. Рукопись, изъ которой взяты сей отрывокъ , содержитъ весьма любопытныя замѣчанія и объясненія Пушкина о поэмахъ его и нѣкошорыхъ кришикахъ. Изъ оной видно, что Поэтъ не опровергалъ кришикъ поюму шолько , что не хотѣлъ. *Изд.*